

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №131

КЕМЕРОВО 2021

22 марта 2021
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 22.03.2021 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ИЗ СОСТРАДАНИЯ ПО ПРОСЬБЕ ПОТЕРПЕВШЕГО.....	3
Симонова М.О.	
2. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА.....	6
Горленко В.Д.	
3. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ.....	8
Назаров М.Б.	
4. СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И В КАЗАХСТАНЕ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ.....	10
Валеев Р.Г.	
5. ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В РФ. КОНКУРЕНЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ.....	14
Волкова Т.Г.	

1.

Симонова Марина Олеговна
Simonova Marina Olegovna

студентка 2 курса магистратуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» г.Москва

УДК 343.61

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ИЗ СОСТРАДАНИЯ ПО ПРОСЬБЕ ПОТЕРПЕВШЕГО

CRIMINAL LIABILITY FOR MURDER OUT OF COMPASSION AND AT THE REQUEST OF THE VICTIM

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы введения в уголовное законодательство Российской Федерации привилегированного состава убийства из сострадания по просьбе потерпевшего. Необходимость введения подобного состава продиктована квалификацией действий виновного лица на практике составом квалифицированного убийства, что не соответствует принципам справедливости уголовного закона, а также целям гуманизации.

Abstract: The article deals with the introduction of the privileged composition of compassionate murder at the request of the victim into the Criminal Code of the Russian Federation. The need to introduce such a composition is dictated by the qualification of the actions of the guilty person in practice by the composition of a qualified murder, which does not correspond to the principles of justice of the criminal law, as well as the goals of humanization.

Ключевые слова: убийство, сострадание, просьба потерпевшего, привилегированный состав, эвтаназия, противоправность, уголовное законодательство, общественная опасность, гуманизация.

Keywords: murder, compassion, victim's request, privileged composition, euthanasia, illegality, criminal law, public danger, humanization.

История развития законодательства об убийстве в России берет свои начала еще в римском уголовном праве, так как многие наказания, предусмотренные римским законодателем деяния, направленные против лишения жизни, совпадают с наказаниями, предусмотренные русскими историческими правовыми памятниками. Так, например, убийство близкого родственника (parricidium) являлось квалифицированным убийством и наказывалось следующим образом: виновного завязывали в мешок вместе со змеей, обезьяной, собакой и петухом и бросали в воду – «culeus» (так называемая роена culleus встречался и в Судебнике Ивана III, то есть некоторая рецепция уголовного права римлян была в развивающемся уголовном праве Руси) [1,9].

Настоящее уголовное законодательство об ответственности за убийство имеет достаточно совершенный вид, который характеризуется тем, что законодатель разделяет убийства на «простой состав», квалифицированный и привилегированные составы.

Убийство по просьбе потерпевшего: в дореволюционном законодательстве данный состав имел место быть (его даже касался советский законодатель в 1922 году). В дореволюционной доктрине критериями допустимости причинения вреда с согласия потерпевшего признавалась общественно полезная цель деяния [2,184], в советской юридической науке - социальная полезность содеянного [3, 57]. М.Д. Шаргородский обозначал «меньшую общественную опасность убийства по просьбе потерпевшего по сравнению с обыкновенным убийством, но при этом не высказывался в пользу его привилегированной наказуемости, считая, что наказание может быть смягчено в рамках санкции статьи за убийство без отягчающих и смягчающих обстоятельств» [4, 206].

В Уголовном кодексе РФ предусмотрено четыре привилегированных составов: убийство матерью новорожденного ребенка, убийство в состоянии аффекта, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны и убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступления. Как обозначает Н.Е. Аленкин «столь большое число привилегированных видов убийства в целом не характерно для зарубежного уголовного права» [5,75], так как развитые зарубежные правовые порядки предусматривают в таких ситуациях основания суду снизить назначаемое наказание или ограничиваются введением в свои

уголовные законы один или два привилегированных составов. К числу подобных привилегированных составов относится убийство лица по его просьбе или из сострадания.

Российскому дореволюционному уголовному праву было знакомо убийство из сострадания – так в соответствии с положениями ст. 460 Уголовного Уложения 1903 года виновный в убийстве, учиненном по настоянию убитого и из сострадания к нему, наказывался заключением в крепости на срок не свыше трех лет. Для примера в соответствии с положениями ст. 458 Уложения убийство в состоянии аффекта наказывалось каторгой на срок не свыше восьми лет, то есть общественная опасность выше, чем убийства из сострадания.

Необходимость введения рассматриваемого привилегированного состава убийства продиктована также тем, что правоприменители квалифицируют действия виновного в таких случаях по ч. 2 ст. 105 УК РФ, как убийство лица, находящегося заведомо в беспомощном состоянии для преступника, то есть по сути привилегированный состав квалифицируется как квалифицированный [6]. Соответственно, подобный подход правоприменителей не совсем согласуется с целями гуманизации уголовного законодательства. Уголовный кодекс РФ содержит положение о сострадании, как обстоятельстве, смягчающем преступность деяния, но в любом случае подобное преступное деяние заслуживает особого внимания при законодательном регулировании.

Важным отличием рассматриваемого состава убийства в отличие от простого и квалифицированного видов является отсутствие насильственного компонента против воли потерпевшего – насилие не направлено против воли потерпевшего, а наоборот, потерпевший выразил соответствующее волеизъявление на лишение его жизни, в то время как любой убийство направлено против воли потерпевшего, причем данное обстоятельство касается и привилегированных составов убийства (например, при превышении пределов необходимой обороны).

Опять же следует обратить внимание на важные субъективные признаки – мотив сострадания цель прекратить страдания потерпевшего. Сострадание является положительным мотивом, который прививается с детства, в то время как иные составы убийства содержат только негативные мотивы поведения – корысть, ненависть. Гуманный характер носит и цель данного деяние – прекратить страдания потерпевшего.

Некоторые авторы, выступая против легализации эвтаназии, не считают целесообразным и выделение убийства по просьбе потерпевшего в привилегированный состав [7,56]. По мнению М.И. Ковалева, «такой шаг опасен, ибо он повлечет за собой множество различных злоупотреблений, которые трудно предусмотреть заранее в законе» [8,72].

Опять же, проблема эвтаназии в том, что сторонники данного способа лишения жизни указывают на соответствующую легализацию лишения жизни без соответствующей уголовной ответственности, а лишение жизни по просьбе потерпевшего не освобождает преступника от уголовной ответственности, но при этом общественная опасность данного преступления, по сравнению с убийством по ч.1 ст. 105 УК РФ и ч. 2 ст. 105 УК РФ достаточно низкая, соответственно и санкция должна быть ниже предусмотренных составов. Преступность лишения жизни по согласию потерпевшего из сострадания так и остается – факт противоправности имеется, но только для градации санкций преступлений против жизни ст. 105 УК РФ имеет достаточно суровый характер. Так Н.С. Таганцев обозначает, что «если я и считаю убийство по согласию одним из видов убийства, не утрачивающим своего преступного характера, то отсюда вовсе не вытекает, чтобы я признавал его тождественным с обыкновенным убийством, а собственно в этом-то приравнивании, допускаемом некоторыми кодексами, и заключается главный источник спора» [9,277].

Н.С. Таганцев выделял следующие условия, при которых деяние должно квалифицироваться в качестве убийства из сострадания по просьбе потерпевшего:

- согласие потерпевшего должно быть выражено свободно;
- виновный действует из благих побуждений и поводов;
- согласие убитого на осуществление таких действий не должно подвергаться сомнению.

Только при установлении данных обстоятельств позволяет говорить о снисхождении к виновному лицу.

Развитое германское уголовное законодательство также предусматривает подобный состав - убийство по просьбе лица (§ 216 Tötung auf Verlangen): при данном составе необходимо соблюдение двух условий [11]:

- потерпевший должен желать своей смерти;

- он должен четко и однозначно выразить это словами, жестами или мимикой.

Аналогичное регулирование содержит уголовное законодательство Швейцарии 1937 года: тот, кто убивает другого человека по достойным уважения мотивам, в частности из сострадания, по его серьезной и настойчивой просьбе, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом [10].

Таким образом, целесообразно рассматривать вопрос о включении положений в уголовное законодательство об убийстве по просьбе потерпевшего, совершенное по мотиву сострадания и обозначить привилегированный характер данного состава.

Конструкция привилегированного состава должна содержать не только обозначенные выше субъективные признаки виновного лица – мотив сострадания и цель (прекращение страданий), но также и обстоятельства, связанные с потерпевшим, например, тяжелая неизлечимая болезнь, физические страдания потерпевшего (например, инвалидность).

Библиографический список:

1. Учебник уголовного права: Особенная часть. Разреш. авт. пер. с 12 и 13 перераб. изд. Ф. Ельяшевич / Франц фон-Лист, проф. Берлин. ун-та. — Москва: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1905. — XVIII. 409 с.;
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.;
3. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976, 214 с.;
4. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947; 511 с.;
5. Аленкин Н.Е. Уголовная ответственность за убийство по просьбе потерпевшего // Вестник Московского университета. Право. 2014, № 2;
6. В Иркутске мужчину осудили за убийство сожительницы из сострадания. [Электронный ресурс]: <https://www.interfax.ru/russia/751133>. Дата обращения: 01.02.2021.
7. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М., 2013, 256 с.;
8. Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. 1992. № 7;
9. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву / Исследование Н.С. Таганцева. – СПб.: Типография Н.А. Неклюдова, 1870. – II, 461 с.;
10. Criminal Code of the Swiss Confederation (German version): URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. Дата обращения 11.03.2021;
11. Strafgesetzbuch (StGB). [Электронный ресурс]: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html#BJNR001270871BJNG005302307>. Дата обращения 25.02.2021.

Горленко Валерия Дмитриевна
Gorlenko Valeria Dmitrievna

студент Тольяттинского Государственного университета, E-mail: lera.gorlenko@gmail.com

УДК 347.77

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА

SOME PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF A TRADEMARK

Аннотация: в настоящей статье изучается действующее законодательство РФ, посвященное использованию товарных знаков, анализируются вопросы исчерпания права, проблемные и коллизионные аспекты применения норм права с позиции правообладателя интеллектуальной собственности.

Abstract: This article examines the current legislation of the Russian Federation on the use of trademarks, analyzes the issues of the exhaustion of law, problematic and conflicting aspects of the application of legal norms from the position of the owner of intellectual property.

Ключевые слова: правовая защита, товарный знак, интеллектуальная собственность, интеллектуальное право, принцип исчерпания права.

Key words: legal protection, trademark, intellectual property, intellectual law, the principle of exhaustion of law.

Введение: в настоящее время гражданско-правовая отрасль права характеризуется наличием множества проблемных вопросов, обусловленных порой несовершенством законодательной техники, а местами отсутствием единообразного подхода к восприятию не только самой сути, но и границ и некоторых критериев использования средств защиты интеллектуальных прав, их уместности и допустимости использования. Проблема правовой защиты результатов интеллектуальной собственности привлекает особое внимание, особенно отсчитывая с момента введения в действие части четвертой ГК РФ.

Руководствуясь ст. 1484 ГК РФ, лицу, на имя которого был официально зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит исключительное право использования товарного знака в соответствии со ст. 1229 ГК РФ любым не противоречащим закону способом (исключительное право на товарный знак) [1]. Исключительное право на товарный знак может быть использовано для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак был зарегистрирован (к примеру, путем размещения товарного знака на этикетках, упаковках). Российский законодатель прямо устанавливает, что никто не вправе использовать без соответствующего разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования появится вероятность смешения. Правообладатель по своему внутреннему усмотрению может дать согласие на использование принадлежащих ему средств индивидуализации или отказать в таковом другим лицам.

Вместе с тем, законом предусматривается, что отсутствие запрета не равноценно молчаливому согласию и другие лица при этом не вправе использовать средство индивидуализации без надлежащего согласия правообладателя, за исключением оговоренных законодательством РФ случаев. Особый интерес в этом контексте вызывает принцип исчерпания права – отсутствие возможности у правообладателя препятствовать использованию товарного знака по отношению к товарам, правомерно введенным в гражданский оборот самим правообладателем или с его надлежащего согласия, который в известной степени нивелирует возможность правообладателя защищать свои права и законные интересы, в том числе интеллектуальную собственность. Так, руководствуясь Постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.10.2017 г. № 19АП-3826/2016 по делу № А35-8325/2015 [2], мы анализируем действие принципа исчерпания права на примере исковых требований ПАО «КАМАЗ», выступающего правообладателем товарного знака КАМАЗ (далее по тексту – правообладатель). Правообладатель обнаружил, что ряд юридических лиц (далее по тексту – ответчик) без надлежащего его согласия используют в своём каталоге комбинированное обозначение КАМАЗ и предлагают продажу техники

марки КАМАЗ, в том числе запасные части к ним. Можно выдвинуть предположение, что действия ответчика в изложенной ситуации действительно нарушают права и законные интересы правообладателя, ведь они вполне могут привести к тому, что для потребителей ответчик будет считаться официальным представителем ведущего отечественного автомобильного завода, а по сервису и работе с клиентской базой ответчика будет формироваться непосредственное отношение к правообладателю, что может сказаться на ущербе в его деловой репутации.

При разрешении спора между этими сторонами в судебном порядке было установлено, что ответчик добросовестно приобретал реализуемую в последующем технику и запчасти к ней у официального дилера правообладателя, а указанные товары были введены в гражданский оборот на законных основаниях и с разрешения правообладателя. Получается, что указание товарного знака в каталоге и на страницах Интернет-ресурсов к продаже и ремонту в изложенной ситуации не свидетельствует о незаконности использования товарного знака.

Конечно же, с позицией суда можно согласиться, однако нельзя будет уверенным, что правообладатель не несет никаких рисков по отношению к своей деловой репутации. Рассмотренное дело является далеко не единственным в настоящее время по данной категории споров, внушительная часть из них доходит до вышестоящих инстанций для справедливой защиты своих прав. Возможно, если бы российским законодателем были более ясным и понятным образом определены рамки дозволенного при использовании чужой интеллектуальной собственности, мы бы сейчас не наблюдали подобных судебных решений и жизненных ситуаций.

Заключение: общество на сегодняшний день находится в динамичном развитии, из-за распространения и активного развития сети «Интернет» вопросы качественной правовой защиты интеллектуальной собственности становятся острее и требуют постоянного внимания со стороны российского законодателя и субъектов правоприменения. По этой причине уже сегодня необходимо обращать внимание со стороны органов государственной власти и научного сообщества на подобные противоречивые судебные прецеденты.

Библиографический список:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 52 (ч. I), 25.12.2006 г., ст. 5496
2. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.10.2017 года № 19АП-3826/2016 по делу N А35–8325/2015

Назаров Максим Борисович
Nazarov Maxim Borisovich

Студент Костромского государственного университета, Юридический институт им. Ю.П. Новицкого (кафедра Судебная и правоохранительная деятельность)

УДК 347.921.6

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ

LEGAL NATURE OF LEGAL COSTS

Аннотация. В статье анализируется правовая природа судебных расходов, раскрывается состав судебных расходов, признаки и функции. Делается вывод, что судебные расходы представляют собой комплексный институт процессуального права, выполняют обеспечительную и дисциплинирующую функцию. Значение судебных расходов в гражданском процессе выходит за рамки обеспечения судебной деятельности, оно гораздо шире.

Abstract. The article analyzes the legal nature of court costs, reveals the composition of court costs, signs and functions. It is concluded that court costs are a complex institution of procedural law, perform a protective and disciplining function. The importance of court costs in civil proceedings goes beyond the provision of judicial activity, it is much broader.

Ключевые слова: судебные расходы, государственная пошлина, издержки, финансирование.

Keywords: court costs, state fee, costs, financing.

Российское законодательство не содержит законодательного определения судебных расходов. Статья 88 ГПК РФ закрепляет только состав судебных расходов. Так, указано, что судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела. Однако сущность судебных расходов, их правовая природа и признаки в нормах ГПК РФ не закреплены.

Прежде всего следует отметить, что институт судебных расходов можно рассматривать через призму двух основных подходов. Согласно первому, правосудие должно быть бесплатным, а все расходы по его осуществлению должно нести на себе государство. Данный подход основан на идеях Бордо, Бентама и реализуется в настоящее время в уголовном процессе России, где стороны освобождены от уплаты государственных пошлин за рассмотрение уголовного дела. Второй подход предполагает взимание государственной пошлины со сторон, обратившихся в суд. Данный подход был закреплен еще в Русской Правде, где стороны уплачивали пошлину за рассмотрение наследственных споров. Этот подход используется в российском гражданском процессе.

Как указывает А.Г. Столяров, судебная деятельность финансируется из двух источников – за счет государственного финансирования и за счет расходов сторон судебного разбирательства [3, с. 9]. Таким образом, автор судебные расходы относит к средству финансирования судебной деятельности.

К.С. Шмотин определяет судебные расходы в гражданском судопроизводстве как затраты, в установленных законом случаях возлагаемые на стороны судебного разбирательства, федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ по поводу и в связи с рассмотрением гражданского дела [5, с. с/ 14].

Многие исследователи отмечают комплексный характер института судебных расходов. Т.В. Егорова пишет, что законодательство о судебных расходах основано как на нормах процессуального законодательства Российской Федерации (конституционного, гражданского, арбитражного, административного судопроизводства), так и на нормах финансового (прежде всего бюджетного) законодательства, законодательства РФ о налогах и сборах [2, с. 18].

Это связано с тем, что порядок взимания государственной пошлины регулируется нормами публичного права – главой 25.3 Налогового кодекса РФ, нормами Бюджетного кодекса РФ; а порядок взыскания судебных издержек регулируется нормами процессуального права. Таким образом, правоотношения по взиманию судебной пошлины отличаются преобладанием императивного метода правового регулирования, а по взиманию судебных издержек – диспозитивного метода. Государственная пошлина взимается до начала судебного разбирательства, а судебные издержки - после его завершения, т.е. по принятии итогового решения по гражданскому

делу. Суд принимает решение о взыскании судебных издержек, определяя конкретную сумму на основе критерия разумности, в то время как размер государственной пошлины точно определен законом.

Институт судебных расходов выполняет одновременно несколько функций, и прежде всего обеспечительную. Возможностью взыскания понесенных расходов облегчается оплата услуг представителя в процессе, возмещаются расходы по собиранию доказательств до предъявления искового заявления, оплачиваются услуги специалистов, экспертов и другие расходы, связанные с рассмотрением дела.

Перечень судебных издержек, предусмотренный процессуальным законодательством Российской Федерации, не является исчерпывающим. Законодатель оставил на судебное усмотрение возможность относить к таким затратам не только прямо перечисленные в ГПК РФ виды издержек, но и иные расходы, признанные судом необходимыми.

Судебные издержки как разновидность расходов достаточно разнообразны, в том числе и по своему назначению: одни издержки носят превентивный характер (в частности, абз. 7 ст. 94 ГПК РФ), предостерегая лиц необоснованно затягивать судебный процесс или подавать необоснованные иски, иные заявления и ходатайства в рамках гражданского процесса; другие преимущественно способствуют всестороннему, верному и своевременному рассмотрению, разрешению дела (абз. 2, 3, 5, 6 ст. 94 ГПК РФ) [4, с. 201].

Постановление Пленума ВС РФ от 21 января 2016 г. № 1 определяет судебные расходы как государственную пошлину и судебные издержки, связанные с судебным разбирательством, представляющие собой денежные затраты, распределяемые в установленном гл. 7 ГПК РФ, гл. 9 АПК РФ и гл. 10 КАС РФ порядке [1].

Данное определение также не позволяет раскрыть суть и правовую природу рассматриваемого института, однако позволяет выделить его признаки. Институт судебных расходов характеризует наличие следующих признаков:

- 1) состав субъектов, несущих судебные расходы;
- 2) судебные расходы являются именно денежными затратами, связанными с судебным разбирательством в указанных сферах судопроизводства;
- 3) закон непосредственно определяет состав судебных расходов.

Итак, суд является органом, который напрямую не производит материальные блага, а содержится на основе средств, выделенных из государственного бюджета. Часть возмещения этих расходов возлагается на лиц, участвующих в деле. Судебные расходы также предназначены для дисциплинирования участников процесса, для предотвращения подачи необоснованных исков.

Категория «судебные расходы» является без преувеличения одним из наиболее значимых для участников судебного спора процессуальных институтов, способных существенно повлиять не только на движение гражданского дела, но и на его исход (например, подтолкнуть к заключению мирового соглашения).

Институт судебных расходов развивается и совершенствуется. Однако в данной сфере остается много не решенных. Спорных вопросов, которые еще предстоит разрешить.

Библиографический список:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2016. - № 4.
2. Егорова Т.В. Судебные расходы в арбитражном процессе: автореф. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2011. - 28 с.
3. Столяров А.Г. Судебные расходы как элемент состава гражданской процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2004. - 34 с.
4. Четвергов А.И. Институт судебных расходов: генезис, современное состояние и перспективы развития // Вестник гражданского процесса. - 2019. - № 4. - С. 201-209.
5. Шмотин К.С. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2018. - 38 с.

Валеев Рамиль Гадельзянович
Valeev Ramil Gadelzyanovich

Магистрант Челябинского государственного университета, факультет права, направление «Юрист в органах власти».

УДК 343.611.1

СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И В КАЗАХСТАНЕ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

FORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN RECENT HISTORY

Аннотация: В статье рассмотрено становление основ местного самоуправления в Российской Федерации и в Республике Казахстан. Несмотря на то, что в государствах различные формы государственного устройства, которые по-разному влияют на местное самоуправление, у них есть как общие черты, так и различия. Проанализированы характерные особенности функционирования органов государственного управления и местного самоуправления в России и в Республике Казахстан.

Abstract: The article considers the establishment of the foundations of local self-government in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan. While States have different forms of government that affect local self-government in different ways, they share both characteristics and differences. Characteristic features of the functioning of government bodies and local self-government in Russia and the Republic of Kazakhstan were analyzed.

Ключевые слова: Хартия, демократия, государство, Российская Федерация, Республика Казахстан, ратификация, местное самоуправление, постсоветские государства, маслихат, акимат.

Keywords: Charter, democracy, State, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, ratification, local self-government, post-Soviet states, maslikhat, akimat.

В преамбуле Европейской хартии о местном самоуправлении, принятой Советом Европы 15 октября 1985 года указано, что органы местного самоуправления являются одной из главных основ любого демократического строя [5]. Построение демократического правового государства предполагает создание эффективной децентрализованной системы публичной власти, которая должна основываться на верховенстве воли народа и приоритете человека как высшей социальной ценности. Указанные задачи невозможно реализовать без развития полноценной системы местного самоуправления.

Для многих стран постсоветского пространства одной из важнейших проблем является эффективная организация местного самоуправления. Не стали исключением Российская Федерация (далее РФ; Россия) и Республика Казахстан (далее РК). Несмотря на то, что Россия является федеративным государством, а Казахстан – унитарным, в них применена одинаковая форма правления – президентская, но которая по-разному повлияла и на содержание местного самоуправления в процессе его становления.

Ратификация Европейской хартии местного самоуправления Российской Федерацией определила новые принципы организации и функционирования органов местного самоуправления, а также направления их реформирования. Казахстан же европейскую Хартию не ратифицировал, однако концепция развития местного самоуправления в РК базируется на принципах местного самоуправления Европейской Хартии.

Актуальность проблемы усиливается внешнеполитическим приоритетом государственной политики бывших республик в составе Содружества Независимых Государств (далее СНГ), что обусловило необходимость согласования национального законодательства с европейскими и мировыми правовыми стандартами; до сих пор дискутируется вопрос, в каком направлении будет развиваться местное самоуправление в постсоветских государствах, в том числе в России и Казахстане, сможет ли этот институт решать задачи, которые на него возлагаются; какие проблемы необходимо решить для благоприятного развития органов местного самоуправления в демократическом правовом государстве.

В соответствии со ст. 12 Конституции РФ [1] в России признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В отличие от Конституции РФ, Конституция Республики Казахстан в ст. 89 только признает местное самоуправление, обеспечивающее самостоятельное решение населением вопросов местного значения [2].

Конституция РФ в статье 131 гласит: «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно». Таким образом, законодатель на конституционном уровне совершил закрепления органов местного самоуправления, функционирующих в пределах территориальной самоорганизации жителей на локальном уровне социума. Этот перечень получил расширительное толкование и дальнейшую конкретизацию, определяющую правовой статус этих субъектов, в профильном Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3].

Однако реформа местного самоуправления в современной России еще не завершена, мы можем выделить несколько основных периодов, являющихся ключевыми в построении современной системы местного самоуправления России и определяющих дальнейшие перспективы его развития:

1) середина 1980-х – начало 1990-х гг. – на этом этапе начинают создаваться законодательные предпосылки будущей модели местного самоуправления в законах «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990), «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991) и принятием Конституции Российской Федерации 1993, которая стала основой для проведения муниципальных реформ [9, с. 111];

2) второй этап с 1995 г. до 2000 г. начался принятием Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», начали законодательно оформляться финансовая основа местного самоуправления, основы муниципальной службы, субъекты РФ начали принимать собственные законы и подзаконные акты о местном самоуправлении на территории регионов;

3) с 2000 г. до 2014 г. началось законодательное оформление и становление современной модели местного самоуправления, основой этого этапа реформы были поправки в принятием Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ и принятие нового Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

4) 2014 год по 2020 год – этот период характеризуется внесением изменений в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах и на их основе формирование новых типов муниципальных образований (городского округа с внутригородским делением и внутригородского района), а также укрепление экономических основ местного самоуправления.

5) Новейший период связан с внесением поправок в Конституцию РФ, включением органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, предоставлением в исключительных случаях полномочий органам государственной власти могут права участия в формировании органов местного самоуправления.

В целом же, в настоящее время Российская Федерация имеет развитую систему местного самоуправления, основные принципы которого закреплены в Конституции РФ, федеральных законах, законах субъектов РФ, и уставных документах муниципальных образований.

Что касается Республики Казахстан, то процесс становления местного самоуправления [4] в этой республике был не столь динамичным и демократичным и еще далек от завершения, в его становлении можно также выделить определенные периоды.

1) 1991 – 1995 годы. После обретения независимости с октября 1991 по 1993 год в стране сложилась уникальная ситуация, когда местные советы и реорганизованные местные администрации находились в конкурентной позиции по многим вопросам местного значения. В переходный период имело место дублирование полномочий между Советами и государственными администрациями. С тех пор местные акимы получили больше полномочий, и не было полноценного местного самоуправления с реальными механизмами власти.

28 января 1993 года была принята первая Конституция Республики Казахстан, однако она не предусматривала таких демократических институтов общества, как местное самоуправление.

Первоначально законодательный орган ввел термин «местные представительные и исполнительные органы» вместо единого понятия «органы государственной власти и местного самоуправления», основанный на бывшей советской Конституции [8].

Хотя в Конституции 1993 года местное самоуправление вообще не упоминается, многие местные общины учредили общественные комитеты самоуправления (ОМС), уличные, жилищные и районные комитеты. Некоторые главы администраций по собственной инициативе исполняли полномочия по управлению социальными, коммунальными, экологическими вопросами и т. д.

В целом система государственного управления в Казахстане в этот период была очень централизованной, что было обусловлено такими факторами, как формирование государственной базы и масштабные рыночные преобразования. Таким образом, в этот период были заложены основы системы государственного управления. Фактически реструктурированная структура государственного управления потребовала новых подходов и организации государственного аппарата на всех уровнях.

К концу 1993 года исполкомы были преобразованы в местные администрации, местные представительные органы – в маслихаты, все представительные и исполнительные органы вошли в состав местного самоуправления и т.д. Отношения между маслихатами и местными администрациями основаны на принципах разделения их функций и независимого осуществления своих полномочий, а также, на контроле местных администраций по вопросам, указанным в законе. В целом местные представительные и исполнительные органы обеспечивали реализацию территориальных программ социально-экономического развития [7, с. 96].

10 декабря 1993 г. местное самоуправление было практически распущено путем принятия Закона «О местных представительных и исполнительных органах Республики Казахстан». Вместо этого была сформирована строго централизованная система исполнительной власти, охватывающая все населенные пункты. Вся полнота политической и экономической власти на местном уровне передана главам администраций (губернаторам). Маслихаты, не имеющие собственных материальных и финансовых ресурсов и не способные обеспечить реальную подотчетность акимов, стали совещательными органами при акимах [8].

Специального раздела о территориальном общественном самоуправлении не существовало в его экономической и финансовой основе, а отдельные элементы территориального общественного самоуправления упоминались лишь в необязательном порядке [6, с. 366].

Таким образом, этот период из-за слабости базовой структуры гражданского общества местное самоуправление в Казахстане находилось в зачаточном состоянии, и не было понимания разницы между местным самоуправлением и государственным управлением.

Несмотря на отсутствие необходимой законодательной базы, территориальные органы самоуправления продолжали функционировать в Алматы и некоторых других городах страны.

2) С 1995 по 2001 год. Вопрос становления местного самоуправления как формы публичной власти в стране постепенно поднимался и отражался в законодательной деятельности государства. Во-первых, вторая Конституция Республики Казахстан, принятая 30 августа 1995 года, признает местное самоуправление, осуществляемое непосредственно, а также через маслихаты и другие органы местного самоуправления в местных сообществах. Однако в основном законе страны не учтен ряд вопросов, связанных с формированием и функционированием местного самоуправления, что впоследствии потребовало внесения поправок в Конституцию и принятие конкретного закона.

Первые законопроекты о местном самоуправлении были разработаны правительством в 1995 году и представлены в парламент. До 2011 года эти законодательные рекомендации не менее пяти раз образовывали полный «круг» от правительства до парламента и обратно. Официальные версии несколько раз подвергались серьезной текстовой обработке, но все они имеют только одну концептуальную основу: местные выборные органы уступают избранным акимам на высшем уровне. Соответственно, «граница» самоуправления ограничивалась уровнем сельских поселений, городов районного значения, а также микрорайонов и малых районов в крупных городах [8].

3) Текущий этап реформы государственного управления в Казахстане восходит к 2001 году, начавшийся с принятием Закона «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан», который определяет деятельность, правила, полномочия и иерархию местного самоуправления.

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 4 октября 2004 года №1022 была утверждена типовая структура местного самоуправления. Принятие закона детализировало разделение полномочий между высшими исполнительными органами, центральными органами и местными исполнительными органами.

Однако до 2017 года аким (представитель Президента и Правительства Республики Казахстан, возглавляющий местный исполнительный орган) назначался на должность по согласованию маслихатом – местным представительным выборным органом и только в 2017 году в Конституции прямо закреплено, что аким города районного значения, села, поселка, сельского округа избирается на должность сроком на четыре года маслихатом района – путем косвенного голосования коллегиями выборщиков в соответствующих административно-территориальных единицах на четыре года. Такое замечание говорит о том, что в перспективе правила будут модернизироваться и, возможно, в конце концов будет введено прямое голосование без участия выборщиков [6, с. 368].

В то же время сами маслихаты могут образовываться только в областях, городе Астана и Алматы, городах, районах, тогда как в селах, поселках и селах, не входящих в сельские округа право местного самоуправления не реализуется должным образом.

Таким образом, кратким анализ становления местного самоуправления в России и Казахстане показывает, что конституционные основы местного самоуправления в этих странах постоянно совершенствуются. Однако схема местного самоуправления в обеих странах совершенствуется. На примере Российской Федерации вектор реформы направлен на включение местного самоуправления в единую систему публичной власти, очевидно с большим дальнейшим вмешательством государственной власти в организацию местного самоуправления, то в Казахстане до сих пор не проведена децентрализация власти, полномочия местных органов власти (акиматов и маслихатов) в решении вопросов территориального развития урезаны, характерна невовлеченность населения в процесс самоуправления.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 01.07.2020. № 144.
2. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029#pos=3;-44
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. ст. 3822.
4. О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148-ІІ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.01.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1021546#pos=5;-106
5. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // Собрание законодательства РФ. 07.09.1998. № 36. ст. 4466.
6. Алимбиева Т.Г. Развитие местного самоуправления в Казахстане как института гражданского общества / Т.Г. Алимбиева, М. Д. Сайымова // Молодой ученый. – 2015. – № 2 (82). – С. 365-369.
7. Комаров О.Е. Проблемы и перспективы институционализации местного самоуправления в Республике Казахстан: монография. / О.Е. Комаров. Павлодар: ПГПИ. – 2016. – 160 с.
8. Мырзагелді Кемел. Қазақстан Республикасындағы жергілікті мемлекеттік және өзін-өзі басқару (Мырзагельды Кемель «Местное государство и самоуправление в Республике Казахстан»). URL: [https://kitap.kz/book/4714/read#pubcfi\(/6/12\[id6\]!/4/2/2/1:0\)](https://kitap.kz/book/4714/read#pubcfi(/6/12[id6]!/4/2/2/1:0))
9. Чепурнова Н.М. Муниципальное право России / Н.М. Чепурнова, А.В. Филиппова. М.: Юнити. – 2017. – 391 с.

Волкова Татьяна Евгеньевна
Volkova Tatyana Eugenevna

Магистрант ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», юриспруденция
E-mail: vondra2@inbox.ru

УДК 347.4

**ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В РФ.
КОНКУРЕНЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ.**

**SOURCES OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF STATE AND
MUNICIPAL PROCUREMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION.
COMPETITION OF FEDERAL LAWS.**

Аннотация: В статье проводится анализ правового регулирования отношений в сфере государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации. Конкуренция федеральных законов создает сложности правового применения в закупочной сфере. В связи с этим возникает необходимость определения приоритетного законодательного регулирования правоотношений закупок для государственных и муниципальных нужд.

Abstract: The article analyses the legal regulation of relations in the field of state and municipal procurement in the Russian Federation. Competition of federal laws creates difficulties of legal application in the procurement sphere. In this regard, it becomes necessary to determine the priority legislative regulation of legal relations of procurement for state and municipal needs.

Ключевые слова: правовое регулирование, государственные и муниципальные закупки, конкуренция федеральных законов

Key words: legal regulation, state and municipal procurement, competition of federal laws

Значение государственных и муниципальных закупок в укреплении гражданского оборота как экономической составляющей приоритетных направлений развития общественной жизни неоспоримо.

Система их правового регулирования начала формироваться еще в девяностые годы 20-го века, однако применение положений законодательства в данной сфере до сих пор оказывается проблематичным. «В итоге, хозяйствующие субъекты вынуждены претерпевать недостатки правового регулирования и отстаивать свои права и законные интересы в судах, что, несомненно, сказывается на уровне судебной загрузки» [18, предисловие].

Правовое регулирование государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации (далее – РФ), понятие которых определено в п. 3 части 1 ст. 3 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ-44) [16], затрагивает несколько отраслей российского законодательства.

Законодатель в п. 1 ст. 525 и п. 1 ст. 763 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (далее – ГК РФ) устанавливает правило, согласно которому закупки для государственных и муниципальных нужд осуществляются только на контрактной основе, с возможностью последующего заключения в соответствии с контрактом договоров поставки [7].

Понимание значения контрактных отношений в сфере государственных (муниципальных) закупок приводит к более качественному применению положений законодательства, регулирующих данную сферу правоотношений. «Контрактные отношения выполняют важную социальную функцию, способствуют решению ключевых социально-экономических задач» [19]. Агапова Е.В., Беляева О.А. отмечают, что «контрактная система выполняет не только утилитарную функцию в смысле удовлетворения государственных и муниципальных нужд. Она же представляет собой определенный инструментарий социальной политики государства, что вполне характерно и для иностранных право порядков» [1, с. 9].

Положения части 1 ст. 2 ФЗ-44 [16] в качестве основы правового регулирования отношений в сфере контрактной системы закупок для государственных и муниципальных нужд определяют:

- Конституцию Российской Федерации,
- Гражданский кодекс Российской Федерации,
- Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – БК РФ).

Законодатель отмечает, что непосредственное правовое регулирование данных правоотношений состоит из ФЗ-44 и других федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в части 1 ст. 1 ФЗ-44. При этом акцентируется внимание на том, что нормы права, содержащиеся в других федеральных законах (согласно постатейному комментарию ФЗ-44 под. Ред. Кошелюка имеются ввиду иные законодательные акты, кроме уже названных в данной статье) [11] и регулирующие указанные отношения, должны соответствовать настоящему Федеральному закону.

Следовательно нормативное регулирование государственных и муниципальных закупок сочетает начала частного и публичного права.

«Нетрудно заметить, что указанная система закладывает конкуренцию как минимум трех федеральных законов, обладающих формально одинаковой юридической силой («*a par in parem non habet imperium*», т.е. «равный над равным власти не имеет»») [18], каждая из которых закрепляет приоритет собственных норм, что приводит к коллизиям правоприменения в данной сфере общественных отношений. «Коллизии в праве - это всегда рассогласованность правовых норм, вследствие которой возникают негативные последствия для правоприменителей и участников регулируемых отношений» [3].

«Во всех действующих системах законодательств существует больший или меньший разрыв в правовом регулировании отношений, обуславливающих публичный интерес, и имущественных отношений частных субъектов» [9].

В правовой науке дискутируется вопрос, к какой отрасли права отнести регулирование закупок для государственных и муниципальных нужд.

Соломонов Е.В., Юрицин А.А. отмечают, что «существующая контрактная система не позволяет говорить о ее тяготении к гражданскому или административному праву, о неспособности автономно от существующего законодательства урегулировать вопросы контроля за участием публичных субъектов в имущественных отношениях, снижения коррупциогенных факторов, повышения прозрачности, обеспечения конкурентной среды» [15, с. 29].

Значительная группа авторов полагает, что отношения в сфере закупок прежде всего прямо и косвенно регулируются бюджетным правом, поскольку данные отношения касаются вопросов расходования бюджетных средств [17]. Эта позиция отражена в Письме Министерства финансов Российской Федерации от 16 апреля 2020 г. № 24-05-05/30622, в котором указано, что «все необходимые изменения в законодательство Российской Федерации в сфере закупок подготавливаются Минфином России на основании поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации с целью эффективного функционирования и развития контрактной системы, а также по результатам рассмотрения поступающих предложений о совершенствовании законодательства о контрактной системе и обращений о проблемах применения Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» ... Согласно пункту 1 Положения о Министерстве финансов Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 329, Минфин России является федеральным органом исполнительной власти по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [12].

Существует так же позиция, что регулирование государственных и муниципальных закупок является комплексным и затрагивает «отрасли административного, финансового (бюджетного) и гражданского права. Правоотношение, в рамках которого производится закупка, носит сложный, длящийся характер; оно развивается во времени, и на различных его стадиях отраслевые режимы в некоторой степени сменяют или, по крайней мере, оттесняют друг друга. Разделять исследуемое правоотношение на отраслевые компоненты, пожалуй, бессмысленно, однако необходимо учитывать, что за каждую стадию закупок в большей степени ответственна конкретная отрасль и свойственный ей юридический инструментарий» [4, с. 87].

А.В. Гапанович высказывает точку зрения, что «существо госконтракта, порядок его заключения, изменения и расторжения не входят в сферу регулирования Закона о размещении заказов» [6, с. 15].

В правоприменительной практике при разрешении споров в сфере контрактной системы закупок в вопросах правового регулирования выработана следующая правовая позиция: поскольку нормы ФЗ-44 являются специальными по отношению к нормам ГК РФ, то они и являются приоритетными [13].

В «Обзоре судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) сказано, что «для правильного разрешения судами указанной категории споров большое значение имеет определение соотношения между положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и иными федеральными законами, входящими в систему законодательства о контрактной системе в соответствии с частью 1 ст. 2 Закона, и положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). При разрешении споров, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов, суды руководствуются нормами Закона о контрактной системе, толкуемыми во взаимосвязи с положениями ГК РФ, а при отсутствии специальных норм - непосредственно нормами ГК РФ» [10].

Вместе с тем, государственные и муниципальные контракты имеют гражданско-правовую природу. «Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации применяются к контрактам, заключаемым в соответствии с Законом № 44-ФЗ, поскольку иное не предусмотрено нормами данного Закона» [14].

Не вдаваясь в тонкости дискуссии, попробуем провести сравнительный анализ базовых положений конкурирующих норм.

Как известно, частное право регулирует, в том числе, отношения гражданского оборота. Согласно положениям ст. 2 ГК РФ, в которой определены отношения, регулируемые гражданским законодательством, «гражданское законодательство определяет», кроме того, «правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления» вещных прав, регулирует «договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников»... «Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием» [7]. Участниками гражданско-правовых отношений являются граждане и юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования.

Согласно определению Воронцовой А.А. «под гражданским оборотом понимается совокупность сделок и иных действий, предметом которых являются объекты гражданских прав» [5]. При этом ст. 129 ГК РФ устанавливает, что по общему правилу «объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом» [7].

ГК РФ предусматривает особенности правового регулирования закупок в виде поставки товаров для государственных (муниципальных) нужд в § 4 гл. 30 ГК РФ и подрядных работ для государственных (муниципальных) нужд в § 5 гл. 37 ГК РФ. При этом основания и порядок заключения государственных (муниципальных) контрактов установлены ст. ст. 527 и 528 ГК РФ.

В автореферате Шмелевой М.В. «Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации» предложено следующее определение контрактных правоотношений: «это гражданско-правовые отношения, складывающиеся между государственными органами (в том числе органами государственной власти, органами управления государственными внебюджетными фондами, органами местного самоуправления, казенными и бюджетными учреждения), а также иными юридическими лицами, определенными законом, и любыми физическими и юридическими лицами, участвующими в закупочных процедурах с целью заключения государственного (муниципального) контракта, в отдельных случаях - договора, и направленные на обеспечение государственных (муниципальных) нужд и нужд иных юридических лиц в товарах, работах и услугах посредством реализации взаимосвязанных этапов» [19].

Бюджетное законодательство согласно положениям ст. 1 «Бюджетного кодекса Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (далее – БК РФ) регулирует «отношения, возникающие между субъектами бюджетных правоотношений в процессе формирования доходов и осуществления

расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, осуществления государственных (муниципальных) заимствований, регулирования государственного (муниципального) долга; отношения, возникающие между субъектами бюджетных правоотношений в процессе составления и рассмотрения проектов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, утверждения и исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, контроля за их исполнением, осуществления бюджетного учета, составления, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности» [2], т.е. БК РФ регулирует отношения, опосредованные движением бюджетных средств. При этом участники бюджетных правоотношений, осуществляя государственные (муниципальные) закупки, т.е. заключая сделки, вступая в договорные правоотношения, становятся участниками гражданского оборота, что вынуждает их руководствоваться принципами частного права и подчиняться нормам гражданского законодательства, как и любых участников гражданско-правовых отношений, т.е. «*primus inter pares*» («первым среди равных») выступает ГК РФ.

Отсюда можно сделать вывод о приоритете норм ГК РФ над нормами БК РФ. Поэтому автору статьи представляется абсурдной позиция, когда все изменения в законодательство РФ в сфере закупок отдаются на откуп Министерству финансов РФ. Логичным будет отнести к сфере регулирования бюджетного законодательства действия участников бюджетных правоотношений на этапах планирования закупок, подготовки, разработки и сдачи документации по закупкам, выбора способа проведения закупки, составления проекта государственного контракта.

Согласно положениям ст. 1 ФЗ-44 данный нормативный акт направлен на регулирование отношений по обеспечению государственных и муниципальных нужд «в части, касающейся:

- 1) планирования закупок товаров, работ, услуг;
- 2) определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- 3) заключения предусмотренных настоящим Федеральным законом контрактов;
- 4) особенностей исполнения контрактов;
- 5) мониторинга закупок товаров, работ, услуг;
- 6) аудита в сфере закупок товаров, работ, услуг;

7) контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее - контроль в сфере закупок)» [16]. Целями такого регулирования являются, в том числе, эффективное использование бюджетных средств, а кроме того создание баланса между участниками закупочных отношений с учетом особенностей участников, наделенных властными полномочиями, а так же субъектов публичной и частной формы собственности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ФЗ-44 конкретизирует положения ГК РФ в сфере регулирования государственных (муниципальных) закупок, являясь специальной нормой по отношению к ГК РФ.

В российском праве применяется принцип о том, что «специальная норма имеет приоритет перед общей» [3], являясь исключением из диспозитивных правил ГК РФ. Тем не менее, в абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ отмечено, что «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу» [7], что согласуется со сложившейся в РФ иерархией источников права, когда законодательный акт должен соответствовать Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, а также вышестоящим нормам права. Поэтому специальные нормы ФЗ-44 могут конкретизировать общие нормы ГК РФ, но не противоречить им. Кроме того, в абз. 2 п. 2 ст. 525 ГК РФ установлено, что «к отношениям по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд в части, не урегулированной параграфом 4, применяются иные законы» [17], в том числе ФЗ-44, а в ст. 768 ГК РФ прямо установлено, что к «отношениям по государственным или муниципальным контрактам на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд в части, не урегулированной настоящим Кодексом, применяется ФЗ-44 о подрядах для государственных или муниципальных нужд» [7]. Поскольку приведенные нормы ст.ст. 525 и 768 ГК РФ не подразумевают автономии воли субъектов правоотношений государственной (муниципальной) закупки, выраженной в форме договора поставки или подрядных работ, они имеют императивный характер. Данные нормы закрепляют позитивное правило поведения, которому необходимо следовать. Поэтому специальный закон о контрактной системе в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (ФЗ-44) целесообразно применять, если есть пробел в соответствующей норме ГК РФ.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

Основным законодательным актом, регулирующим отношения в сфере государственных и муниципальных закупок является ГК РФ.

ФЗ-44 содержит специальные нормы, конкретизирующие гражданско-правовое регулирование с элементами публичного права с учетом специфики правоотношений закупок для государственных и муниципальных нужд.

Применение положений ФЗ-44 возможно в случае, если отношения по поводу государственной и муниципальной закупки не урегулированы нормами ГК РФ.

Библиографический список:

1. Агапова Е.В., Беляева О.А. Государственные закупки: современный инструментарий социальной политики // Юрист. 2020. № 6. . 2-10.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СПС КонсультантПлюс. 2021
3. Бычков А.И. Коллизии норм права // СПС КонсультантПлюс. 2021
4. Винницкий А.В. Участие публичных образований в имущественных отношениях: проблемы сбалансированности административно-правового и гражданско-правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 82-91.
5. Воронцова А.А. Гражданский оборот // СПС КонсультантПлюс. 2021
6. Гапанович А.В. Сфера применения и пределы регулирования Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Право и экономика. 2009. № 8. С. 10 – 15.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // СПС КонсультантПлюс. 2021
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС КонсультантПлюс. 2021
9. Егорова М.А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 408 с. // СПС КонсультантПлюс. 2021
10. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // СПС КонсультантПлюс. 2021
11. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (постатейный) / А.Е. Кирпичев, В.А. Кондратьев, Б.Е. Кошелюк и др.; под ред. Б.Е. Кошелюка. Москва: Проспект, 2019. 944 с. // СПС КонсультантПлюс. 2015
12. Письмо Минфина России от 16.04.2020 № 24-05-05/30622 «Об отдельных вопросах, связанных с закупками товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс. 2021
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2016 № Ф05-20049/15 по делу № А41-29146/2015 // СПС КонсультантПлюс. 2021
14. Решение Приморского УФАС России от 20.11.2019 № 025/06/50-1061/2019 // СПС КонсультантПлюс. 2021
15. Соломонов Е.В., Юрицин А.А. Субординационный механизм правового регулирования отношений в рамках контрактной системы закупок для удовлетворения публичных нужд // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 24 - 29.
16. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СПС КонсультантПлюс. 2021
17. Финансовое право: учебник / А.Р. Батяева, К.С. Бельский, Т.А. Вершило и др.; отв. ред. С.В. Запольский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт: Волтерс Клувер, 2011. 792 с. // СПС КонсультантПлюс. 2021
18. Цатурян Е.А. Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики: монография. Москва: Статут, 2020. 224 с. // СПС КонсультантПлюс. 2021
19. Шмелева М.В. Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид.

наук. Саратов, 2013. С. 12. URL: <https://www.dissercat.com/content/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-kontraktnykh-otnoshenii-pri-gosudarstvennykh-i-munitsipal> (дата обращения: 03.03.2021)

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140